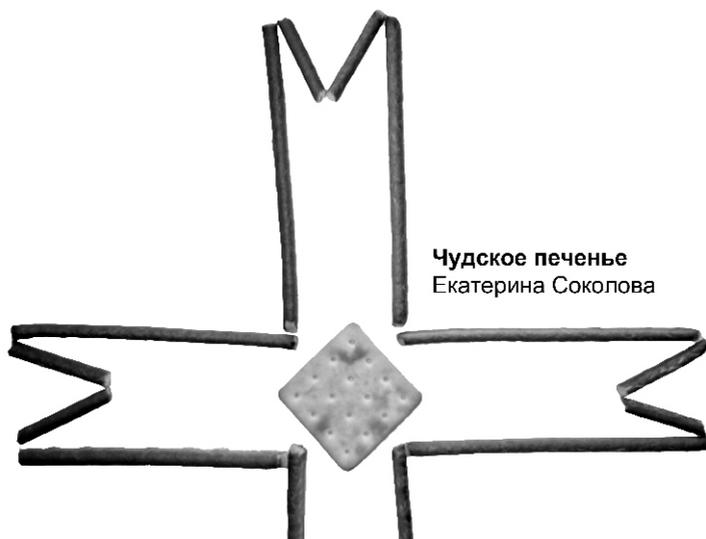

Поэтическая серия Арсенала

Чудское печенье
Екатерина Соколова

Поэтическая серия Арсенала

Екатерина Соколова

Чудское печенье

2015 год

Н С С А Г Ц С И Н С С А Министерство культуры РФ
А Р С Е Н А Л А Г Ц С И Волго-Вятский филиал
Н С С А Г Ц С И Н С С А Государственного центра современного
Г Ц С И Н С С А Г Ц С И искусства
Н С С А Г Ц С И Н С С А
Г Ц С И Н А Р С Е Н А Л
Н С С А Г Ц С И Н С С А

Екатерина Соколова родилась в 1983 г. в Сыктывкаре, закончила филологический факультет Сыктывкарского университета. Лауреат премии «Дебют» (2010), финалист премии «ЛитератураРентген» (2008). Живет в Москве. Автор книги стихов «Вид» (Москва, 2014).

**Чудское печенье /Поэтическая серия Арсенала. –
Нижний Новгород: Волго-Вятский филиал
Государственного центра современного искусства,
2015. – 56 с.**

©Волго-Вятский филиал Государственного центра
современного искусства, 2015

Екатерина Соколова публикует стихи с середины 2000-х. Новый ее сборник свидетельствует о том, что Соколова становится одной из центральных фигур младшего поэтического поколения современной России – того, к которому принадлежат авторы, родившиеся в 1980-е и начале 1990-х.

В предисловиях к стихотворным книгам или рецензиям на них, если автор печатается уже относительно давно, используется привычный штамп: «зрелый, сложившийся мастер». К Соколовой, при всей значительности и необычности ее письма, такое определение не подходит. Оно противоречит всему, что делает этот поэт. «Мастерство» в поэзии обычно ассоциируется с четкостью, броскостью, афористичностью, экспрессией. Ничего подобного в стихах Соколовой нет. Ее стихи начинаются и заканчиваются словно бы на полуслове, ритм меняется, названий нет. Странно легковесные фрагменты, в которых часто упоминается о возможностях, о воспоминаниях, о наметившихся, но не завершенных событиях.

Все эти свойства произведений Соколовой - внешняя сторона важнейшего, но не сразу заметного качества ее поэтики, которое можно назвать атомарной эпичностью. Короткие стихотворения, не содержащие никаких обобщений и развернутых описаний, неожиданно отсылают к обширным

воображаемым пространствам, населенным многочисленными персонажами. Каждое – не эпос, но окно в эпос. Или в возможность эпоса.

*перед тем, как отсюда на воздух выйдешь
вспомнишь пустяк*

*шахматную фигуру. карандаши. часы
виденный где-то дом*

*что-то одно, что всю жизнь в себе
проносил
не помня о том*

*женщину в узком окне, зовущую сына домой
какую-то яркую мелочь, не связанную
со мной*

Еще одна очень заметная особенность стихотворений Соколовой – изобилие слов, написанных-сказанных не так, как принято. Часто встречаются детские словечки, вроде «уколил». Иногда – редкие слова, воспринимаемые как окказионализмы: «напахнет»¹. Фразы из языка коми, памятного Соколовой с детства: «ю да уяв» – «пей и ныряй», «варыш» – ястреб или коршун... Словечки и фразы из других языков – то итальянского, то украинского. Критики несколько раз уже писали об «этнографичности» и «постколониальности» стихов Соколовой². Новая книга иначе

высвечивает то качество, которое раньше воспринималось только как отсылка к тихой, не слишком заметной в общероссийском контексте жизни малого народа на крайнем северо-востоке Европы. Язык Соколовой подтачивает, размывает понятие нормы как общепринятой социальной конвенции. Мир в ее стихах предстает как поток локальных, частных случаев, каждый из которых нарушает какое-нибудь правило – не открыто и декларативно, а так, как изменяют слова любящие друг друга люди, на ходу придумывающие новые обозначения для всего, что им дорого или вызывает улыбку.

В современном российском обществе грозит установиться диктат нормативности, понимаемой как идея «единственно правильного» поведения или мнения – симулятивного, так как продиктованного не искренним согласием, а стремлением «быть как все»³. Новые стихотворения Соколовой показывают, что мир может быть устроен не как общеобязательный консенсус, а как негромкий, но разноголосый хор.

«Атомарная эпичность» и постоянный подрыв идеи нормы глубинно связаны между собой. Стихотворения Соколовой, с их непрерывно меняющимися ритмами, формируют особый тип восприятия времени. Время в произведениях Соколовой – историческое, а не биографическое. Но это история не телеологическая и не связанная ни с какими выдающимися событиями. События

и человеческие жизни вступают друг с другом в непредсказуемые отношения, потом эти отношения меняются – и из этих неслышных сцеплений-расцеплений вдруг складывается смысл истории.

В этой своей работе Соколова продолжает и развивает эстетическую проблематику, открытую в неофициальной русской культуре в 1970-е годы – прежде всего, конечно, в повести Саши Соколова «Школа для дураков» (1973). Персонаж Соколова способен открывать скрытые смыслы мира потому, что он – никому не нужный слабоумный мальчик, страдающий раздвоением личности – Ученик Такой-то. Еще более открыто, почти плакатно, сформулировал эту новую тогда проблематику Андрей Тарковский. В одной из ключевых сцен его фильма «Сталкер» (1979) закадровый голос читает фрагмент из древнекитайской «Книги Пути и Достоинства» («Дао Дэ Цзин»): «Твердое и крепкое – это то, что погибает, а нежное и слабое – это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает и крепкое дерево гибнет. Сильное и могущественное не имеют того преимущества, какое имеют нежное и слабое»⁴.

В современной русской поэзии эта проблематика слабого как способного спастись была открыта заново⁵. Необычную и радикальную трактовку ей дали поэты Леонид Шваб и Арсений Ровинский, создавшие в 2000-е годы жанр «фрагментарного эпоса» –

короткие стихотворения без названия, каждое из которых представляет словно бы короткий эпизод бесконечно длинной истории, разворачивающейся на затерянной окраине обитаемого мира, – или в просветах, пробелах повседневной жизни, в случае Ровинского – в паузе между локальными стычками затяжной войны, о которой в столицах, на свету, при свете «дневного» сознания не хотят знать⁶.

*Знаком свыше считали Луну,
Маляры, обработчики древесины
главенствовали.
Ни единого аэродрома вокруг,
Голая степь на карте, солончаки.*

*Тюремный замок есть последняя граница,
И распоследний часовой выцарапывает
на камне:
«Что мы без посадочной полосы,
Куда мы без взлетной полосы».
(Леонид Шваб)*

*Даша везде находит секретные города
в повседневной жизни она отсутствует
например выходит на станции Павлодар
а внутри ещё один Павлодар и только она
одна это чувствует*

*вот теперь ты на месте, Даша, теперь
ты сама по себе*

*для тебя одной здесь столько всего
прекрасного
повторяет Даша сама себе
(Арсений Ровинский)*

Екатерина Соколова, принадлежащая к следующему поколению после Ровинского и Шваба, оригинально переосмысляет этот жанр. Она связывает «атомарную эпичность» с размыванием социальной нормы. Персонажи ее стихотворений – дети, представители незаметного народа коми, экспаты – не чудаки, не трикстеры, не побежденные, потому что они сами не надеются никого победить и даже, кажется, не представляют, что это такое. Для них привычно каждодневное всматривание в не реализованные еще возможности мира и языка. Открывая эти возможности, персонажи Соколовой встречаются друг с другом, учатся удивляться тихо-тихо, без возгласов и обобщений.

Это обучение порождает новый язык и новую поэтическую дикцию. Мне кажется, они значимы в контексте не только русской, но и европейской поэзии в целом.

Илья Кукулин

1 Окказионализм – лингвистический термин, означающий слово-неологизм, созданное «на один раз» по известным в языке словообразовательным моделям.

2 См. предисловие Марии Галиной к кн.: Соколова Е. Вид. М.: TangoWhiskyman, Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 887—889.

3 Подробнее см.: Ямпольская А., Ямпольский М. Нормальное и нормативное // Отечественные записки. 2014. № 2 (59).

4 Гл. 76, пер. Яна Хиншуна. Традиционно в Китае было принято считать автором книги философа Лао-цзы (IV—V в. до н.э.), однако современные исследователи сомневаются в этой версии или считают Лао-цзы автором только первоначального «ядра» этой книги. Текст, по разным гипотезам, был создан в промежутке от IV до III в. до н. э.

5 Так, поэт Станислав Львовский начал с этой цитаты из «Дао Дэ Цзин», как с эпиграфа, свое выступление на фестивале современной русской культуры в Тбилиси «Re: Арт-Груз» в 2001 году.

6 Об источниках этой поэтики см., например: Майофис М. Воплощение метаморфозы // Ровинский А. ExtraDry. М.: Новое литературное обозрение, 2004; Гулин И. К настойчивому «теперь»: Арсений Ровинский как поэт исторической травмы // Воздух. 2012. № 3–4.

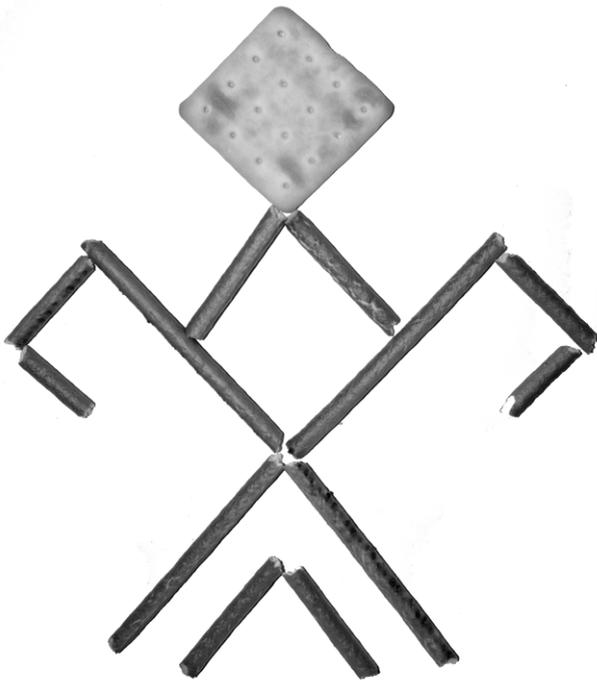
I

присоединенная территория убрана к
седьмому числу
все фигуры чудинов скрылись в дома
оставив обувь свою за порогом
угги свои выставив за порог

а самокатный проезжий бесится, ищет
укрытия
среди тысячи мелочей по одной цене он взят
и теперь наш
кто виноват? я не спрятался –
колесиками стрекочет

кто напахнет простым табаком на меня
кто мне банки поставит сейчас
предоставленный нам поминать
поминающий нас

как горела спина шевелились внутри
биологические слова
экспедитор сердитов сходи посмотри
как там фитоценоз москва

единица природы, о себе ли ты видишь сон?
лиса от тебя уходит, и сова на тебя не глядит.
на электрических синих деревьях не тает
снег
и ни один предмет не идет тебе в руки

и вот ты выходишь на обе стороны,
и туда и туда,
как из дома с широким сквозным парадным.
что-то одно? нет, не надо

вот заколдованный железнодорожник
с рыбьими усиками на меху
к ране моей прилаживает подорожник,
куски прекрасные для меня закладывает в
уху, —

но разве не он привел меня в эту пустую
усадебку с сабелькой на стене?
разве не он теперь говорит: *ю да уяв* —
— пей и ныряй, —
водку и воду предоставляя мне?

так значит одеться стремительно, как в
бассейне,
перегоняя саму себя, и скорей,
темноте сопротивляясь, посеянной
здесь,
уйти от жд путей

где художник проводит центральную линию
там разделяя лес добродушный
ставит капкан присыпая землей
ушастый скупой Петыр Илля
и табличку пиша:
без представителя не копать
в жизни последний силоч расставляет
назавтра отходит без боли

видит юрмалово то ли комарово
зверь мой нутренний нехитрая лиса
а не завести ли там второго
пса

нет не там а где просторных комнат больше
где отец знакомый со второго дня
и едва знакомый леша колчев
шутят ждут меня

сон:
холод собачий
я несу на руках неизвестную бабушку
небольшую как мой щенок
прижимая к своей груди
компактной как сказал мне один доктор
ноги мои горят от холода
и от радости что спасена
бабушка-живчик

в таебусе едет Б – такой человек
босиком он лезет в траву
надевает одну голову'
на другую

ходит в присутствие свое
делает вид во всем только вид
и ничего над собой

никого не жалеет производя бумажки
человек бумаг
отщиплю тебя от меня и брошу в овражке
м-дак

видишь ходит такой борода в меду
голова в бреду
филолог

да разве всех пожалеешь
да возьмешь к себе кто тебе дорог

да вот снеси половину жилья
отдай ему на дрова
пусть живет в огне
дом хотел получай свой дом

есть у меня мысль –
невдалеке от Риги
бросить тела моего
тяжелое коромысло

и что со мной дальше
и что легче того
чтобы
прижиться в чужом пейзаже
скопированном со своего? –

остаться
предложить работу швее
и складскому рабочему
соорудить крепость
для экономного путешественника

мне 6 лет, я укололся –
я с шитьем играл полдня.
мне веселый сон приснился
и пугал меня:

будто нас зовут соседи
бабушку забрать –
увозить под землю едем
мамину мать.

там 7 ящичков, как в сказке.
среди них я вижу ее –
бабка моя улыбается мне
в инвалидной коляске,
никогда говорит не умру.

потом я вспомнил это дело –
пошила темноту в углу
и мне молчанье в губы вдела
бабуля, словно нить в иглу.

мама говорила в богородске
на кладбище разноцветные кресты
а тут всё уродски
серые плит ы

мама говорила в лесочке
швивые грибочки василёчки
ойфон покожи мне кортинки
про вологодчину

буду смотреть вспоминать
стихи про родину писать

памяти Л. К.

дом на воде мой, послушай, Лайош,
исчерпал меня

что ж ты бежишь позади, то лаешь,
то впереди меня?

вот он плывет крылечком сломатым,
аккуратным торцом

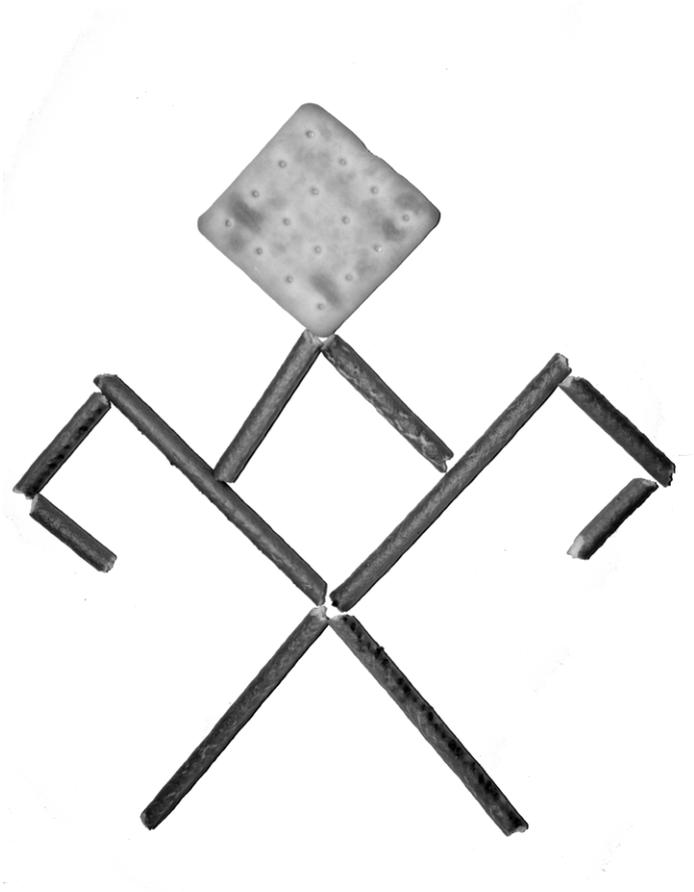
кошка его с одной лапой,
с одним веслом

новый жилец-водец, сюда вселишь,
а ты – там где стоишь, остановись.

не снись, не тревожь, – говорит
Сандра Ичинь, –
ни жену, ни детей,
которые помнят тебя и так, ни за что

в моем камне один камень,
в твоём шестьдесят камней,
бросай его в речку, а я просто в воду

там вдалеке человек мужчина,
я не вижу, что делает он, отвернувшись, –
может, веник ломает,
может, держит в руке, –
и что если увидит меня и детей?

я работник картин
напишу что приснится мне завтра
кто в окошке покажется странной без ног
половинкой
руками в подарках

кому блин кому уксус
кому мне

напишу рыбу
рыба муксун рыба муслун пльиви бесшумно
в этой стране

II

Мама, качай меня в небо, в зеленое колесо,
пока бабочка летит к своим бабочатам.
я найду песок, раскопаю лопаткой всё,
сохраню и потом распечатаю.

кто же к нам приходил, кто же меня будил,
кто уснул вместо меня в моей кровати?
никого не узнать кто меня торопил
люди легкие ходят вокруг закрывают глаза
плачут

дай мне память запомнить эту:
уйдет человек – говорят, мол, поют,
моют пол от двери к оконному свету

вот и жди, и себе, и ему говори:
скоро придут к тебе луговые мари
петь,
луговые собачки
танцевать

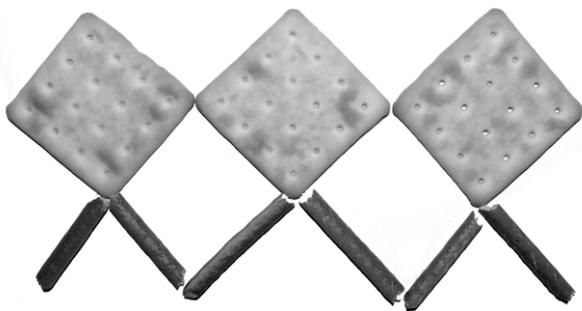
унесут – и увидит мальчик лишь птицу
большую,
синицу
– уведите ребенка, ребенку такое нельзя

что оставит мне ветер-покойник?
просыплет наперсток соли на подоконник,
песок в глаза

детское земледелие – песок, вода,
медведи и зайцы большие и малые,
башни, туннели,
деревянные коммуникации,
ниточные провода –

– куда ты уходишь?
– игры мне надоели

а с площадки уйду –
чей там дом утонул,
кто кого спасал в кошкином доме, -
память моя горит в раю,
сияет, и я ничего не помню

Новый год. Слева направо открывается
дверь,
как еврейская книга.
Входят гости, начинают читать нараспев.
– Что в пути вы видели?
– Фигу и финик, финик и эвкалипт, эвкалипт
и фигу,
жизнь и смерть,
ямы чудские,
холмы галилейские,
Николая.

вспомнишь не это, а что-то чужое
случайно замеченное тобой

красный лист осиновый, крепкий зеленый
желудь
шар голубой

говорят – за секунду всю жизнь увидишь
всё не так

перед тем, как отсюда на воздух выйдешь
вспомнишь пустяк

шахматную фигуру. карандаши. часы
виденный где-то дом

что-то одно, что всю жизнь в себе проносил
не помня о том

женщину в узком окне, зовущую сына домой
какую-то яркую мелочь, не связанную
со мной

кем, когда вырасту? –
банщиком-самоварщиком –
круглым как блин станет мое лицо.
птички промаслят его перышком, детки
пальчиком,
и кончится всё

ответить письмом правдивым для дочери
Оли –
пока все двенадцать палочек, в детстве
разбросанных, не найду –
пока все уходят работать в поле –
остаюсь в саду

деревья переставлять, вишни перебирать,
дело себе выбирать

реставратор мебели подрост.
вот он замечает, что у станции
выбежал к путям лесной подрост
и на паровоз устался

и тогда у вырезальщика всего
просит он всего –

но скажи тогда, зачем мне это –
гипермаркет мебели и света –

и не надо этих новых елей,
качелей туда-сюда,
ответов

III

я говорит антрополог своей жене
по весне понимаю кто под каждым кустом
копает
и какой это житель идет ко мне
и сладким мучным меня наделяет

этот ли житель когда-то ко мне
проборматывал
речь свою как последний сорняк
а за окошками прогрохатывал
задавляя ее товарняк

этот ли житель снежок страны моей ест
и меня объест

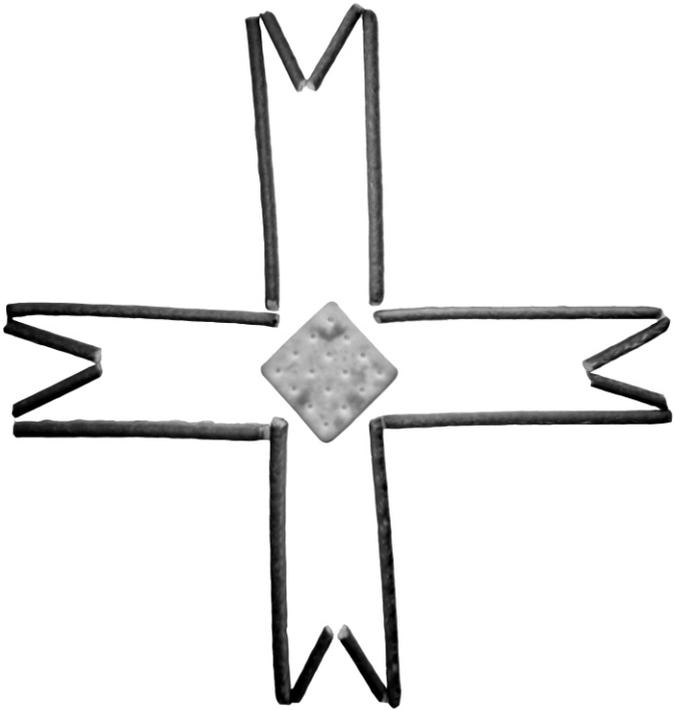
и когда я иду на свое учение или лечение
крошками начинает сыпать средь белого
дня —

то не это ли белое чудское печенье
с переулка идет на меня?

так не зря они посадили меня водителем
в тот автобус,
дали камень для приносящего мир человека,
а теперь оставили на границе
п о д у м и р а т ь , —
чтобы я поглядел,
как смех без причины что снег из мужчины
идет
и он врет

коллега шипит на коллегу,
а рядом открыл свой магазинчик
веселый Паоло:
оттимо, говорит, берите
эти забавные вещи,
ешьте, пока не объедитесь,
и хлеб,
без хлеба не сытно,
и любовь, и нежность,
и дружелюбие
тихонько грызите

экая шпулька вышла бормочет швец
в первый раз навсегда опуская веки
что мне будет за то
что смеялся над маленькой Анной
жуки заведутся в глазах
или просто по местности незнакомой
циркулировать буду во тьме

используй это при ветре,
при сильной ходьбе –
поскрипит человек,
постоит остановку
глазами к тебе,
зяблику в мелком пальто, –
пронаблюдает,
как вьются русский язык над тобой,
летит снежок медицинский, –
учись северянином быть, а не то

греет глаза на солнышке
работник российской столовой
теперь все у нас значительно лучше
яблочный сок самый сладкий
томатный
куриный сок самый крутой
тысячи молодых деревьев
на новых территориях принесут плоды
а о бесхозных и подозрительных предметах
помолимся

то ли в лесу дальняя переключка
то ли тот ветерок ножичком полоснёт
сырыми словами-косточками напичкан
то ли хозяин меня проснёт

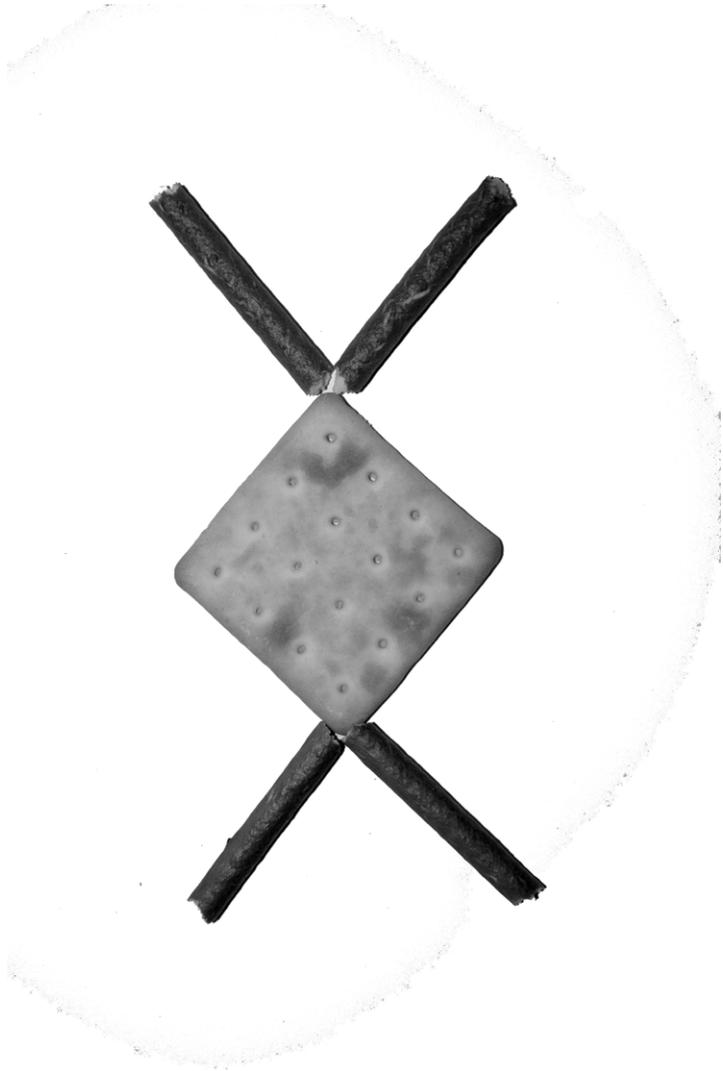
рожь белоглазая милая родина если ты
собака
пёс технический бытовой военный
людин людин зачем ты один
твоя жизнь вымотана из мрака
как поводок растягивающийся современный

не гости а кости обсели вокруг человека
и он побежал врассыпную
а они мельтешат наяву
вот черная торба
вот некая чорба
ты съел нас и в сумку свою положил
теперь убирайся в москву

разве наищем такое, – думает зверолов, –
место, где варыш не вьет гнезда,
не роет норы лисапа,
где тайга не распространяет запах
странный по верху голов?

рацию насовсем выключает,
взвешивает, переезжает,

а там напарник арсений ведет его в горушку
и по левому паспорту сквозь коридор
проходной
проталкивает из русского горлышка
наружу: "это со мной"

на небі зіроньки сяють
там и няня моя живет
отчего мои глаза себя закрывают
и впадывает себя живот?

сначала в комнате своей сижу
обо всем что было со мной
потом во дворе как взрослый хожу
с поводком в руках за спиной

что призабыл я в далеком краю?
собаку простую мою

я хотел бы остаться с этими ласковыми
другими
а вместо этого тороплюсь обратно
но кто согласует теперь мое возвращение
в Киев
кто утвердит возврат?

как хозяева ноги мои пошли по земле
нет ни сыра ни рыбы простой на моем столе
только круглый хлебец-молодец
панеттоне для иностранца

кто-то речь продвигает ко мне
стыдно мне
я бы мог его не бояться
но это отец

Екатерина Соколова
Чудское печенье

Издание Волго-Вятского филиала
Государственного центра современного искусства

Отпечатано в Волго-Вятском филиале
Государственного центра современного искусства
г. Нижний Новгород, Кремль, корпус 6
Тираж 200 экз.

www.ncca.ru/nnovgorod